

**«ЖИЗНИ СТРАННАЯ ЗВЕЗДА»
(ТЕМА ЧЕЛОВЕКА И ЗОЛОТА В «ДОН ЖУАНЕ»
БАЙРОНА И ЕЁ ПЕРЕКЛИЧКИ В РУССКОЙ
И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)¹**

В статье рассматривается генетическое и типологическое сходство интерпретации темы денег в творчестве Байрона, Бальзака и Достоевского. В рамках размышлений этих писателей о тайне пребывания человека на земле показывается уравнительная, редуционистская, трансформирующая и компенсирующая функция денежного абсолютизма в их произведениях, раскрываются антропологические следствия монетаристского сознания, искажающего и перевёртывающего иерархию ценностей, отчуждающего и овеществляющего взаимоотношения людей, влияющего на духовно-нравственную энтропию в деградирующем обществе.

Ключевые слова: тайна человека, тёмный корень бытия, денежный абсолютизм, монетаристское сознание, умаление личности, власть эгоцентризма и посредственности.

Байрон одним из первых остро осознавал и переживал (здесь и исток байронической тоски) несоответствие между идеалами эпохи Просвещения и Великой французской революции и тем их преломлением сквозь эгоцентрическую человеческую природу, которое проводило при их воплощении к непредвиденным и причудливым результатам. Вера в Разум и свободу, равенство и братство и оборачивалась в реальной действительности формированием своекорыстного растленного мира с его культом денег, моральной коррупцией, двойными стандартами, продажной политикой, парламентской говорильней, захватническими войнами и т. д. и т. п., что и описывается в эпической поэме.

Подобные метаморфозы приводили автора «Дон Жуана» к вопрошаниям о неподвластной рассудку тайне пребывания человека на земле между небытием и вечностью и связанной с ней тайне исторического процесса.

* Борис Николаевич Тарасов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); bntarasov@yandex.ru

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-34-11091а (ц) «Русская литература в мировом историческо-культурном контексте».

Меж двух миров, на грани смутной тайны
 Мерцает жизни странная звезда.
 Как наши знания бедны и случайны!
 Как многое сокрыто навсегда!
 Прилив столетий тёмный и бескрайный
 Смывает грани, толпы и года,
 Лишь мёртвых царств угрюмые могилы
 В пространствах мира высятся уныло.

Одна из главных и принципиальных странностей звезды жизни заключается в том, что, имея представления о величии, истине, добре, красоте, справедливости, чести, достоинстве, милосердии, совести, человек вместе с тем жестокосерд, эгоцентричен, тщеславен, завистлив, властолюбив, сластолюбив, сребролюбив, мстителен, злобен...

Эта фундаментальная двойственность человеческой природы, по-своему проявленная в державинской строке «я царь, я раб, я червь, я бог», окажется позднее в центре исследовательского внимания Достоевского. Ещё в юношеском возрасте он заключал: «Одно только состояние и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слияния неба с землёю; какое же противозаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище... принял значенье отрицательное, и из высокой... духовности вышла сатира» [3, т. 28 (кн. 1), 50].

«Отрицательная» и «сатирическая» сторона человеческой природы и деятельности, «изменяющая» её «царскую» и «божественную» сторону, есть то, что Вл. Соловьёв называл тёмным корнем бытия: «Пока тёмная основа нашей природы, злая в своём исключительном эгоизме и безумная в своём стремлении осуществить этот эгоизм, — пока эта тёмная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушён, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздаётся вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаёте себя за здоровых, для вас нет исцеления. <...> Истинное дело возможно, только если и в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют» [6, 311].

Байрон как бы предвосхищает Достоевского, когда заключает:

Конечно, человек — престранный зверь,
 И странное находит примененье
 Своим чудесным склонностям... [1, 72].

Непостижимо слово «человек»!
 И как постичь столь странное явление?
 Пожалуй, сам он знает меньше всех
 Своих земных путей предназначенье [1, 73].

Я признаю с великим сожаленьем,
 Испорчен род людской — да, это так [1, 152].

О, люди-псы! Но вам напрасно льщу я:
 И псами вас не стоит называть... [1, 290].

И ещё:

Какие бездны есть в сердцах людских!
Какие в них «пещеры и пустыни»!
Как в душах всех правителей земных
Нагромоздились айсберги гордыни!
Как много в этих дебрях вековых
Антропофагов водится поныне! [1, 492].

Байрона волновало, как опустошаются людские сердца в складывавшихся социальных обстоятельствах, какие своеобразные пещеры образуются в них, как переворачиваются человеческие отношения под воздействием культа денег, ослабляя в них «царские» и усиливая «рабские» начала человеческой природы.

Тема денег раскрывается в «Дон Жуане» с точки зрения связи их функционирования с антропологическими основами и духовно-психологическими механизмами, их «невидимого влияния» на укрепление в новых исторических условиях главных, отмеченных выше, эгоцентрических сил, говоря словами В. С. Соловьёва, «тёмной основы нашей природы», на энтропию и нигилизацию сознания, на оскудение человеческого в человеке, искажение в нём образа и подобия Божия.

Байрон, конечно, понимал значение денег как регулятора социально-экономических аспектов жизни, как универсального эквивалента вложенной энергии и затраченного труда в процессе производства, товарообмена и предоставленных услуг, как инструмента материального взаимодействия. Становясь источником вещественного благополучия и комфорта, способствуя удовлетворению утилитарных и прагматических потребностей, деньги вместе с тем как бы незаметно выходят за эти пределы, оказываются неразрывно и неоднозначно связанными с социально-психологическими и духовно-нравственными сторонами бытия «престранного зверя».

О том, как деньги, при их абсолютизации и превращении во всеобщий эквивалент человеческой свободы, «работают» в границах «тёмной основы нашей природы», искажают и переворачивают ценностную иерархию в «странной звезде» жизни, проникательно писал Маркс: «То, чего я как человек не в состоянии сделать, т. е. чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи денег. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в её *противоположность* <...> В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость» [4, 619–620].

В наше время, пишет Байрон, когда полюсом Земли становится эгоизм, а «общество — игра», в которой «все только личной выгоды хотят, все хитроумные расставляют сети», престранное существо человек на пути от рождения к смерти теряет все идеалы и ценности, кроме одной.

Автор «Дон Жуана» иронически заключает:

И средние века не так страшны,
 Как страшен средний возраст нашей жизни.
 То глупы мы, то мудры, то смешны
 И с каждым днём становимся капризней...

 В такое время надо умирать...

 И только деньги, теща мысль и взгляд,
 По-прежнему заманчиво блестят [1, 415].

И далее:

А ныне любит деньги человек;
 Мы устаём, слабеем и стареем,
 Но золото мы любим дольше всех;
 С любовницами, с другом и лакеем
 Проститься легче нам, чем потерять
 Тебя, платёжной силы благодать!

Байрон обнаруживает, что такая «благодать» влияет на подмену самостоятельной сущности любовных и дружеских отношений, искажает значение политика и дипломатии, государственной службы и общественных связей, активно эксплуатирует основные свойства и пороки «тёмной основы нашей природы».

Все силы мира золоту подвластны,
 Власть золота — как якорный канат.
 О, золото! Кто возбуждает прессу?
 Кто властвует на бирже? Кто царит
 На всех великих сеймах и конгрессах?
 Кто в Англии политику вершит?
 Кто создаёт надежды, интересы?
 Кто радости и горести дарит?
 Вы думаете — дух Наполеона?
 Нет! Ротшильда и Беринга миллионы!
 Они и либеральный наш Лафитт —
 Владыки настоящие вселенной:
 От них зависит нации кредит,
 Паденье тронов, курсов перемены;
 Республик биржа тоже не щадит,
 Заботятся банкиры несомненно,
 Чтобы проценты верные росли [1, 416].

«Власть чистогана», пишет Байрон, служит «аладдиновой лампой» в современном обществе, которое, словно в летаргическом сне, опутано «невидимой сетью» товарно-денежных отношений и не замечает в них узаконенного грабежа, скрытого торжеством господства над законом и моралью. Он сравнивает банкиров и политических деятелей с грабителями. К теме извращающей силы денег автор «Дон Жуана» обращается на протяжении всей поэмы, обнажая циническую сущность власти золота и иронически прилагая к нему возвышенные эпитеты, противоречащие этой сущности. Таково, например, переименование известной поговорки «деньги не пахнут» в рассуждении о «благовонном чистогане».

Особое неприятие у Байрона вызывает влияние богатства на угнетение и угасание в сердце «престранного зверя» высших человеческих свойств в «вывихнутом мире» «эгоизма и произвола», как говорит он вслед за Гамлетом.

А золото владеет и дубравой
 (Когда деревья рубят на дрова!),
 И тронами царей, и бранной славой —
 И на любовь известные права
 Имеет, ибо Мальтус очень здраво
 Нам это изложил, его слова
 Нас учат, что супружеское счастье
 У золота находится во власти [1, 418].

Как бы вслед за Байроном или параллельно с ним обнаруженные им антропофагические закономерности в абсолютизации власти денег рассматривают крупнейшие художники слова. Так, герой повести Бальзака Гобсек уверен, что на земле нет ничего прочного, а жизнь есть «только машина, приводимая в движение деньгами, только набор условностей для реализации инстинкта самосохранения: в государствах европейской цивилизации это называется личным интересом» [2, 12].

Гобсек произносит своеобразный гимн золоту, которое укрепляет эгоцентрические силы «тёмной основы нашей природы», роет в ней новые пещеры и пустыни: «из всех земных благ есть только одно, достаточно надёжное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото. В золоте сосредоточены все силы человечества <...> человек везде одинаков: везде идёт борьба между бедными и богатыми, везде. Она неизбежна. Так лучше уж самому давить, чем позволять, чтобы другие тебя давили. Да и наслаждения повсюду одни и те же, и повсюду они одинаково истощают силы; переживает все наслаждения только одна утеха — тщеславие. Тщеславие! Это всегда наше “я”. А что может удовлетворить тщеславие? Золото! Потоки золота» [2, 12–13].

Что привлекает Гобсека в создавшейся системе, когда, по словам Бальзака, деньги выражают «нерв жизни нового времени», «сущность всего нынешнего общества»? Власть и сокращающая высшие человеческие свойства, переворачивающая иерархию ценностей и компенсирующая пороки сила денег. Гобсек проводит смотр всем страстям и порокам, и его душу греет то, что он может покупать совесть, управлять всемогущими министрами через их фаворитов и любовниц, покупать красивейших женщин и нежнейшие ласки. Таким образом, высшие человеческие качества теряют своё специфическое значение и подчиняются низшим, отчуждая людей друг от друга и превращая их отношения в череду бартерных или торговых сделок.

Для осуществления такой жизненной стратегии не нужны, более того — мешают и становятся антисистемными «великодушные порывы» — справедливость, честь, достоинство, совесть, милосердие, поскольку они не покупаются и не продаются, и тем самым не вписываются в систему, теряют своё специфическое содержание и значение, свою сущность и превращаются в свою противоположность.

В обозначенной системе координат возникают естественные для неё, а на самом деле противоестественные чувства: Гобсеку нравилось унижать людей, «пачкать грязными башмаками» ковры богачей. Он заключает, что

люди, подобные ему, чувствуют себя богами, когда взвешивают на своих весах наслаждения и корыстные интересы всего Парижа, когда перед ними проходят со своими просьбами, мольбами и слезами якобы независимые аристократы, спесивые купцы, великолепные красавицы, гордые военные, когда они заносят в свою «чёрную книгу» сведения о государственных кредитах, банках, торговле и в качестве «духовников» биржи образуют своего рода «трибунал священной инквизиции».

Атмосфера произведений Бальзака и логика созданных им типов раскрывают корыстно-эгоистические принципы функционирования денежно-торгашеского абсолюта в лоне «тёмной основы нашей природы». Эти принципы связаны с оскудением и выхолащиванием духовного мира человека и перевёртыванием его отношений с другими людьми в искажённой иерархии ценностей, что позволяет французскому писателю сделать вывод о том, что человек, это «престранное существо», говоря словами Байрона, живёт в период «великой страшной болезни».

О признаках этой болезни можно судить и по рекомендациям Вотрена Эжену Растиньяку в «Отце Горио» обрести миллион в социальной среде, где честным быть неважно, где все пожирают друг друга, как пауки в банке, а «блеск гения» втапывается в грязь. Вотрен заключает: «Продажность — всюду, талант — редкость. Поэтому продажность стала оружием посредственности, заполонившей всё, и остриё её оружия вы ощущаете всюду» [2, 339]. Сам Вотрен стремится торговлей неграми («чёрный капитал») обратить зло в добро, порок в добродетель и добиться уважаемого положения в обществе, несмотря на разбойничество. «Когда я разбогатею, меня не спросят, кто я такой? Я буду господин Четыре Миллиона, гражданин Соединённых Штатов» [2, 341].

Метаморфозы «страшной болезни», принижающей духовно-нравственные начала бытия, лакирующей и маскирующей пороки и возвышающей посредственность, по-своему отражены и в произведениях Достоевского. С беспокойством отмечал он, что никогда ранее в России не принимали «золотой мешок» за высшее на земле, что «никогда ещё он не возносился на такое место и с таким значением, как в наше время», когда поклонение деньгам и стяжание захватывают всё вокруг. В такой атмосфере Гане Иволгину в «Идиоте» нужны деньги, чтобы реализовать амбиции своей самолюбивой, тщеславной и посредственной натуры. Как бы иллюстрируя мысль Маркса о извращающей силе денег, которые заменяют и восполняют отсутствующие сущностные силы индивида и компенсируют его духовную несостоятельность и пустоту, он заключает: «Я прямо с капитала начну; чрез пятнадцать лет скажут: “Вот Иволгин, король иудейский!” <...> Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают...» [3, т. 8, 105].

Отмеченные антропологические закономерности функционирования денег по-своему претворены и в романе «Подросток», главный герой которого мечтал с помощью денежного могущества обрести своеобразную власть над миром. Пример такого могущества он находит в образе пушкинского «скупого рыцаря», который напоминает Гобсека, готового купить всё на свете. «Скупой рыцарь» и сравнивает себя с демоном, которому всё послушно, он

же — ничему. Тайные грёзы непослушного демона, злато которого впитало в себя слёзы и кровь людей, находят высшие наслаждения в том, что он может принудить, поработить и использовать как раз противоположное его духу — добродетель, вольный гений, музы и пр.

Сердечные упования настраивают и подростка на аналогичное наслаждение: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шексперы, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я — бездарность и незаконность, и всё-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились». Аркадий Долгорукий словно солидаризируется с Ганей Иволгиным, когда заключает: «В том-то и “идея” моя, в том-то и сила её, что деньги — это единственный путь, который приводит на *первое место* даже ничтожество» [3, т. 13, 74].

Достоевский неоднократно подчёркивал открывавшуюся в новых общественных отношениях возможность посредственности с «миллионом в кармане» первенствовать и обесценивать в них духовно-нравственные аспекты, вообще делать всё, что угодно. «Когда можно делать всё, что угодно? — вопрошает Достоевский в “Зимних записках о летних впечатлениях”. — Когда имеешь миллион. Даёт ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» [3, т. 5, 78]. Достоевский особо выделил в подготовительных материалах к «Подростку» привлекательность для молодого человека перевёртывающей и компенсирующей реальные достоинства функции денег: «Его, главное, утешает в его системе наживы — бесталанность её. Именно то, что не нужно гения, ума, образования, и в результате всё-таки первый человек, царь всем и каждому и может *отомстить* всем обидчикам» [3, т. 16, 46].

Байрон показывает как в подобной атмосфере перевёртывающего обесценивания, принижения высшего и возвышения низшего в двойственной природе «противузаконного дитя», «престранного зверя» создаётся своеобразный социальный театр, на сцене которого за лицемерными масками правительственных чиновников и парламентариев, аристократических кругов и деятелей культуры кроется при внешней импозантности и гуманистической риторике их душевная пустота, духовное и интеллектуальное убожество, продажность и незримая подчинённость «закону чистогана».

Поэты многотомно-многогласные,
Десятки, сотни, тысячи писак!
Вы ложью увлекаетесь опасною,
Вам платит власть, чтоб вы писали так! [1, 356]

В формуле «читай свою Библию, а думай о своём кошельке» второй член, по убеждению автора «Дон Жуана», одолевает первый, что и способствует в обстановке религиозного, политического, морального, литературного лицемерия формированию вышеозначенных закономерностей оборотничества высшего и низшего, «царя» и «раба» в мире «престранного зверя». Байрон одним из первых подметил такие закономерности в «странной звезде жизни», в которых мамонизм, как одна из главных сил «тёмной основы нашей природы», играет принципиальную роль. Если вспомнить отмеченные Марксом

метаморфозы денежного абсолютизма, претворённые в рассмотренных произведениях, будет уместным привести вытекающие из них выводы Д. С. Мережковского, видевшего в таких метаморфозах длящуюся в современности борьбу Плоских с Глубокими, зарождение и развитие которой наблюдали обсуждаемые нами писателями: «Главное же преимущество Плоских перед Глубокими — ложь, потому отец их диавол, есть “отец лжи”».

Плоскость может быть зеркальной и, отражая глубину, казаться глубокой. Этим-то обманом зрения и пользуются Плоские, отражая в зеркалах своих все глубины человеческого творчества — искусства, науки, философии и даже религии. Царство Плоских — ад на земле, но в аду зеркала отражают небо — рай, и устроители ада, совершенно плоские насекомые, подобно клопам или мокрицам, кажутся восставшими на богов титанами или падшими Ангелами, Люциферами. И этою ложью зеркал люди облеплены и обмануты так, что ложь им кажется истиной, а истина — ложью, зло — добром, а добро — злом, диавол — Богом, а Бог — диаволом. И смешивается всё в безумии, подобном хаосу...» [5, 483].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байрон Джордж*. Дон Жуан // Перевод Татьяны Гнедич. М.–Л., 1964.
2. *Бальзак Оноре*. Избранное. М., 1960.
3. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
5. *Мережковский Д. С.* Царство Антихриста. Статьи первого периода эмиграции. СПб., 2001.
6. *Соловьёв Вл.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2.

REFERENCES

1. *Bajron Dzhordzh*. Don Zhuan. M.–L., 1964
2. *Bal'zak Onore*. Izbrannoe. M., 1960
3. *Dostoevskij F. M.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. L., 1972–1990.
4. *Marks K., Engel's F.* Iz rannih proizvedenij. M., 1956.
5. *Merezhkovskij D. S.* Carstvo Antihrista. Stat'i pervogo perioda jemigracii. SPb., 2001.
6. *Solov'ev Vl.* Soch.: v 2 t. M., 1988. T. 2.